

Новости Мосфильма. - 1991 - гек. (N 39)

ТРЕТИЙ МИР

(Гундарева и Гафт в проходных ролях)

Александр Митта оказался среди первых режиссеров современности, кто, не порывая с нашей киносистемой, попытался снять фильм преимущественно для Запада. «Затерянные в Сибири» — английский продюсер, англичане толкают фильм на мировой рынок, в главной роли незнакомый Союзу, но хорошо знакомый Западу (в том числе и по колонкам светской хроники) Энтони Эндриус. Митту отчасти можно расценивать как зеркало русской кинореволюции: валюта — раз, зарубежная кинозвезда — два, фильм про зеков — три, слово «Сибирь» в названии — четыре.

Фильм при этом вышел абсолютно стилизовано непродуманным. Огрубляя: не развлечение. Не киноискусство. Но ведь и не «голая правда»! Для почти документальной тюремной «чернухи» в нем слишком много условности, наигрыша, даже интонационного, слишком мало документа. И самое главное: кроме неплохого сбитой сцены резни «воров» и «сука», подурному театральны эпизоды драк и насилия. Моментально впадаешь в тоску, едва «вор» с неловкостью плохо тренированного москвича набрасывается на «охранника», и тот мягко валится, помышляя о том, как бы не зашибиться.

Можно было бы попенять Александру Митте, снявшему на сей раз фильм третьего сорта, и на том успокоиться. Бывает. Беда, однако, в том, что фильмом получиться и не мог. Мы плохо умеем исполнять заказы. Мы довольно скверные ремесленники. Звучит двусмысленно: это ругань или похвала? Или и то, и другое? Может быть, мы плохо исполняем заказы оттого, что мы талантливые творцы? Чтобы лучше разъяснить, что я имею в виду и чем нам грозит скверное исполнение заказов, переведу взгляд с режиссера на актеров. Митта — то ли из желания дать друзьям зарабо-

тать, то ли из патристического стремления открыть Западу наших мастеров — пригласил блистательных актеров. Кроме играющих вместе с Эндриусом главные роли Елены Майоровой и Владимира Ильина, в эпизодах появляются, иногда на 10–15 секунд, Гундарева и Бортник в виде крестьян, Пастухов и Шаловалов в виде охранников, Гафт в виде Берия, Жарков и Гердт в виде зеков. Давно я не видел, чтобы артисты такого ранга работали (согласились работать) в проходных эпизодах.

Эти эпизоды они сыграли на редкость посредственно.

Гэкачелисты были, как помнится, во всем правы, только лицом не вышли. В их пассаже про то, что раньше советский человек чувствовал себя на Западе гордо (это когда даже нищие румыны презирали наших туристов), что мы не просто становимся страной Третьего Мира, но становимся ею с охотой. Соглашаемся ею быть.

Наших артистов на Западе никто не знал. Получали они — и получают — по сравнению с западными коллегами крохи. Теперь они изредка мелькают на мировых экранах — в виде жалких неумелых подмастерьев. Они талантливее большинства зарубежных коллег и, кстати, гораздо более умелы. Во всяком случае эту надежду мы еще лелеем. Но, лишившись естественной среды для переживания по Станиславскому, попав в условия рационального вполне западного киноэпизода, когда, как в «Затерянных в Сибири», не нужно никакого характера, никакой сверхзадачи, нужно просто и с ходу изобразить крестьянина, который боится, или охранника, который злится, — наши сразу теряют опору. Скверно решают простую задачу, которую элементарно решит любой зарубежный ремесленник. Теперь та же

задача, но растянутая на весь фильм. И что же? Стрательная Майорова и натужный (обычно — талантливый) Ильин рядом с умелым Эндриусом тоже бледны и скучны.

Экономика заставляет искать глазами Запад. Но Запад никаких иных задач перед нашими не поставит. Проблема — универсальная. Коллега-критик жаждет сотрудничать ради валюты с деловым американским киновестником. Он блистательно пишет статьи, какие никогда не написать мальчикам из того журнала. Но стопроцентно, что короткие деловые заметки, которыми те мальчишки обучены с младых ногтей, он будет писать хуже них, да и нужной информации не найдет — раньше не приходилось.

Третий Мир в искусстве — это когда заказ может прийти только оттуда сюда и никогда наоборот. Не важно, кто был инициатором идеи. Ты его получить очень хочешь, и уже поэтому твои надежды придумать такой поворот темы, чтобы и потрафить Западу, и полноценно художественно самоосуществиться, — иллюзия. Но заказ тебе все равно дают с гримасой сомнения, ибо ясно, что ты выполнишь его хуже, чем сделал бы свой, кабы владел материалом.

Переход от идеи Третьего Мира (начало нашей киноперестройки: в нас — спасение мирового кино, нашей духовности и откровений очень ждут (к ситуации Третьего Мира) мы, в сущности, лишь оказываем услуги, причем так себе) — переход естественный и закономерный. «Затерянные в Сибири» в этом смысле веха в истории.

Впрочем, к счастью для нашего кино, у нас сейчас, куда ни погляди окрест, — везде свои вехи.

416 Юрий
ГЛАДИЛЬЩИКОВ.
(«Независимая газета»).